

© 2006 г.

В.Г. ВИНОГРАДСКИЙ
РОССИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР В ФОКУСЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДАНАЛИЗА

ВИНОГРАДСКИЙ Валерий Георгиевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем РАН (Саратов).

В начале 1990-х г. четырнадцать российских социологов, среди которых был и автор, разделившись попарно, разъехались в семь глубинных сельских регионов Севера, Сибири, Саратовской области, Юга. Так началась историко-социологическая экспедиция, главная цель которой заложить основу крестьянских устных архивов, где можно накапливать воспоминания и размышления людей, постоянно живущих на земле и занятых преимущественно кропотливым крестьянским трудом. Важно было услышать подлинные голоса тех, кого иногда называют «нерассуждающим большинством», «неуклюжим классом». Одновременно в российские (областные и центральные) архивы отправились специалисты по истории крестьянства. Профессор В.П. Данилов, опираясь на вооруженных диктофонами социологов, взял на себя труд создания параллельной исторической картины повседневной жизни крохотных, отдаленных деревень.

Как социологически изучался крестьянский двор? На что обращено особое внимание? Как подступались к анализу огромных записанных текстовых материалов? Что предшествовало анализу? Как выглядел этап так называемого преданализа?

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ПРЕДАНАЛИЗА

Преданализ – операция, логически завершающая постепенное повышение уровня доступности, понятности и «прозрачности» добытого в социологическом «поле» материала. И в этом качестве преданализ, можно надеяться, будет поучителен и полезен для всех, кто пожелал бы использовать данный опыт в аналитической работе над материалами исследований. Преданализ, в сущности, не что иное, как тщательная инвентаризация, структурирование собранного в селах материала, подготовка первичной информации к научному употреблению, ее упорядочение, разделения на отдельные звенья – как элементарные, так и системно организованные.

Иначе говоря, в процессе преданализа первичная социально-экономическая, историческая и иная информация должна быть разделена на некие порции, фрагменты. Причем сделать это надо так, чтобы каждая из них представляла собой некую цельную, полнокровную смысловую «молекулу», способную не только полноценно существовать вне общего контекста, но и, по возможности, хранить в себе его генетический код, его историко-социологический «аромат».

Делается это с помощью систематических исследовательских комментариев-ремарок, которые должны сопровождать буквально каждую извлеченную из первоисточника цитату. Как нам представляется, уже только одна эта преданалитическая операция (внимательное и последовательное структурирование текста) может заметно продвинуть исследователя к пониманию существа крестьянских трансформаций, к осмыслению крестьянства как социально-культурной целостности и ценности. Ведь вместе с накапливанием комментированных цитат начинается постепенное и, что немаловажно, произвольное «погружение» в анализ. При этом непрестанно совершающаяся в сознании исследователя комбинация и рекомбинация выделенных текстовых микроструктур объективно выводит

его на формулирование вполне определенных аналитических проекций, гипотез, догадок. И тогда работа естественно переходит на собственно аналитическую ступень, где решающим инструментом познания будет служить индивидуальность исследователя, его интеллектуальный, культурный, личностный потенциал. Можно сказать, что собственно анализ – это свободный полет мысли сквозь материал. Правила и рисунок этого полета должны быть изобретением, как нам кажется, сугубо индивидуальным. Исследователю здесь не следует ни мешать, ни помогать. Иное дело – преданализ. Эта работа – принципиально коллективная. Здесь необходимо соединенными и заранее скоординированными усилиями людей, собиравших информацию в социологическом «поле», наметить множество разнообразных направлений структуризации материала.

Работы здесь немало. Необходимо тщательно «взрыхлить» плотно слежавшиеся в памяти крестьян, синкретичные информационные пласты, обнаружить их объективное строение и содержательный состав. А сделать это под силу только научному коллективу, участники которого постоянно советуются и взаимодействуют друг с другом, стремясь ничего не забыть, не пройти мимо важной информации и возможности ее неожиданного и «свежего» проблемного поворота.

Принципы и процедуры структуризации собранного материала не могут не зависеть от его специфических свойств. Информация информации – рознь. А собранный в рамках нашего исследовательского проекта материал не совсем обычен для современной российской социологии, поскольку более чем на 70% он представляет собой так называемый «голос снизу», без каких бы то ни было изъятий, зафиксированный в жанре устных семейных историй. По существу, в данном материале закреплено не что иное, как достаточно свободное развертывание крестьянского сознания, пытающегося воспроизвести и, отчасти, осмыслить прожитые годы.

Хотя с помощью социологических вопросников мы изначально пытались как-то организовать, структурировать информацию, идущую от собеседника, развести его по определенным каналам, она рано или поздно прокладывала свое, вполне оригинальное русло. Потому-то устные семейные истории и некоторые другие тексты, записанные от крестьян, непохожи один на другой, своеобразны. При чтении материалов проекта обращает на себя внимание то, что в его информационном потоке почти нет сгущений, узлов, гравитационных точек, то есть таких суждений и формулировок, которые бы концентрированно суммировали те или иные жизненные впечатления и уроки, полученные информантом. Крестьяне почему-то не склонны обобщать и однозначно подытоживать собственный опыт жизнедеятельности, а если делают это, то в универсальной форме народной поговорки.

Однако принципиальные жизненные ориентиры и стратегические намерения крестьян все же существуют в стенограммах крестьянских воспоминаний, прочитываются в них. правда в «растворенном», неконцентрированном состоянии, в форме развернутой притчи, произвольного фантазирования, многозначительной оговорки. Поэтому один из моментов структуризации «голоса снизу» – это осторожная исследовательская кристаллизация, целенаправленный монтаж, тщательная преданалитическая подготовка тех информационных конструкций, которые в качестве социологически значимых фактов могут быть внесены в ту или иную проблемно-ориентированную библиотеку файлов-цитат. Из этого следует, прежде всего, то, что необходимым условием структуризации материала является его доскональное знание. Причем такое знание, когда исследователь не только знаком с первоисточником, но и вполне чувствует его: отличает правду от откровенного вранья, факты от мифов и тарабарщины, складную болтовню от косноязычных, но наполненных истинным смыслом и сердечностью откровений. Чувствует его так, что может (а иногда, – в научных целях, должен) читать записанные

крестьянские рассказы, видя то, что заключено в них, что называется, «между строк». Таким образом, специфичность информационного материала заключается в том, что он – вовсе не хранилище сухих социологических фактов, а живая органическая структура. И изучать его следует, как мы полагаем, не столько механически препарировав этот информационный массив, сколько творчески общаясь с ним. Ведь «голос снизу» способен не только отвечать на вопросы, возникающие у исследователя, но и сам ставить свои вопросы, формулировать укоризны, высказывать обиды и благодарности. «Где же вы были раньше?» «Почему так поздно встретились с нами?» «Не опоздали ли вы со своими расспросами и вниманием?» – это и многое другое слышалось нам в интонациях, в тягостных паузах, в безучастном молчании и внезапных печальных остановках, зафиксированных на магнитной ленте и в текстах стенограмм. Думается, что эти особенности «голоса снизу» требуют того, чтобы в процессе преданалитического структурирования первоисточника соблюдались некоторые правила.

Если припомнить те неписанные, но неоднократно формулируемые в разговорах за «длинным столом» профессиональные инструкции, в соответствии с которыми происходил сбор социологического материала в деревне, то главными из них были примерно следующие – «бережно и осторожно относиться к рассказчику, не обрушивать на него водопад регулярных вопросов анкеты, жертвовать пунктами вопросника ради незапланированных инициатив рассказчика». Подобного рода научно-организационную методологию целесообразно сохранить и в ходе структурирования полученного материала. Поэтому к записанному тексту необходимо относиться так же мягко и осторожно, как мы старались относиться к человеку, проговаривающему перед микрофоном этот текст.

Видимо, не следует заранее рассчитывать на афористичность текста и настойчиво искать в нем то, что можно было бы назвать законченной формулировкой, то есть отдельного суждения (или группы суждений),

однозначно резюмирующих весь текст. Не нужно свысока относиться и к той информации, которая не совсем правильно и плавно вписалась в рамки наших специальных исследовательских интересов и существует в «голосе снизу» как некий, на первый взгляд, «факультет ненужных вещей». Ничего лишнего и ничего зряшного в рассказах крестьян, как правило, нет. Более того, опыт общения с сельскими респондентами убедил нас в том, что крестьяне почти всегда проговаривают нечто очень для них важное, каким бы второстепенным и комичным это ни показалось вначале интервьюеру. Но это важное не сформулировано в каком-либо кратком суждении, а, как правило, растворено во всем рассказе, проявляется в его организации (поэтому-то так важны и интересны отступления от программы опроса), воплощается в его интонациях, переходах к новым темам и возвратах к уже рассказанному.

Данные обстоятельства не позволяют ни на минуту расслабиться в процессе преданалитической работы. Это означает, что, вычлняя из первоисточника какой-либо определенный кусок (цитату), необходимо постоянно видеть все текстовое пространство. Нужно помнить и понимать, что такая цитата (пусть даже весьма выразительная и информативная), только малая часть целого. И когда, например, респондент на все лады хвалит (или, наоборот, ругает) социалистический, колхозный строй, то это не следует понимать как нечто однозначное и, безусловно, окончательное. Потому что в том же самом тексте наверняка можно отыскать целую систему самокоррекции высказанных «залихватский» оценок и мнений. А прежде, как бы однозначное, азартное высказывание информанта, оказывается неправдой или полуправдой. То же можно сказать и о многих других фактах, оценках и мнениях, рассказываемых и формулируемых в крестьянском «голосе снизу». Поэтому, выделяя из первоисточника ту или иную текстовую микроструктуру, формируя библиотеку цитат, надо понимать и фиксировать их относительный смысл, их заведомую неоднозначность. Делать это можно

с помощью исследовательского подстрочного комментария к каждой цитате, посредством системы перекрестных ссылок, монтируя вместе взаимодополняющие фрагменты, или еще как-то по-другому. Иначе говоря, нужно верить и доверять не отдельному информационному фрагменту, а всему текстовому массиву, откуда последний извлечен. Не произвольно выхваченная из текста отдельная цитата, а тщательно и грамотно подготовленная преданалитическая система цитат, в которой все эти текстовые фрагменты взаимосвязаны, взаимоотражают и взаимодополняют друг друга. И для того, чтобы реализовать правило о ненасильственном структурировании первоисточника, требуется применять элементарный технико-организационный прием – отбирать цитаты для проблемно-информационного каталога не с первого и даже иногда не со второго, а с третьего чтения каждого конкретного текста.

ОСНОВНЫЕ БЛОКИ ПРЕДАНАЛИТИЧЕСКОГО ЭТАПА

Каким образом, в частности, систематизировалась информация по теме «Крестьянский семейный двор как социально-экономическая единица повседневного деревенского существования».

Воспроизведем и кратко прокомментируем основные преданалитические блоки, которые явились главными параметрами структурирования текстов семейных историй и основными «емкостями» для накопления крестьянских высказываний, «голосов снизу». Через эти блоки можно довольно последовательно вычерпать необходимую для анализа информацию по проблеме форм и направлений эволюции семейного крестьянского двора их десять.

БЛОК 1. «ДВОР-ЭКОНОМИКА». Сюда «сбрасывались» выдержки из крестьянских воспоминаний и других материалов проекта, в которых речь идет о работе двора, направленной на удовлетворение потребностей в объеме, обеспечивающем известную полноту органического существования крестьянской семьи. В блок вошли материалы, рассказывающие о

повседневных практиках выживания членов двора и их воспроизводства в качестве таковых. В центре внимания – работа двора, его функционирование из сезона в сезон, из поколения в поколение. Блок «ДВОР-ЭКОНОМИКА» по арифметическому количеству файлов-цитат, содержащихся в нем, наиболее объемист, содержит более трехсот выдержек из крестьянских рассказов. Накапливая информацию, мы систематически указывали в сопровождающих оригинальный текст сносках-примечаниях специфический «профиль» этого текста, например, «ДВОР-ЭКОНОМИКА» (моральна); «ДВОР-ЭКОНОМИКА» (эксполярная) и т.п.. Таких уточняющих пометок-расширений в цитатах, вошедших в первый преданалитический блок насчитывается – до трех-пяти.

БЛОК 2. «ДВОР-ОСНАЩЕНИЕ». В него вошли материалы, связанные главным образом с историей и состоянием крестьянского двора как некоего хозяйственного «инструмента», который можно было бы увидеть и, выражаясь фигурально, «пощупать». Здесь нашли свое место сведения, изображающие крестьянский двор как, прежде всего, материально-вещественное образование. Блок «ДВОР-ОСНАЩЕНИЕ» накапливает информацию о различного рода ресурсах двора, которые имеются в наличии и могут быть приведены в действие, по которым довольно точно можно было судить о том, насколько данный крестьянский двор силен, зажиточен, богат или беден и слаб. Но не только об этом. Здесь уместно сказать о том, что произошло, когда мы занялись вычленением и записью материалов по рассматриваемому блоку, что может иметь прямое отношение к последующему анализу.

Выписывая цитаты, мы заметили, что крестьяне, рассказывая об оснащенности дворов родителей и дедов, очень часто переходят на разговор о, так сказать, *невещественном* оснащении семейного двора. Говорили о привычках, способах работы и отдыха, устойчивых поведенческих и морально-нравственных нормах, которые характеризовали экономическую

работу двора, его досуг, общение с родней, соседями. Встретив несколько раз подобные повороты в крестьянских разговорах, мы поняли, что это – тоже своего рода *оснащение* двора. В связи с этим возникла потребность существенно расширить данный блок материала за счет крестьянских высказываний по поводу повседневных обычаев, сложившихся правил жизни, ухваток и странностей, отличающих один двор от другого. Нам представляется, что эти моменты – тоже важное *оснащение* двора. Они оттеняют его материально-вещественную и профессиональную наполненность. Они, так сказать, «острят» или «тупят» двор как главный инструмент крестьянского существования, придают материально-вещественному оснащению двора состояние либо расшатанности и нечищенности, либо – пригнанности деталей и отсутствию лишнего: как в делах, так и в разговорах. Думается, все это очень важно для понимания крестьянской экономики и морали.

БЛОК 3. «ДВОР-УМЕНИЯ». В нем накапливался цитатный материал, рассказывающий об истории двора как определенной суммы умений и навыков. Целью подбора такой информации было показать возможные колебания уровня крестьянского профессионализма, умелости, готовности усваивать новые знания, умения и пользоваться ими в повседневной практике. В качестве некой гипотетической конструкции мы пользовались «самодельным» термином – «крестьянский дилетантизм».

Основная крестьянская масса – это профессиональные дилетанты, умеющие, в принципе, делать все, что требуется в деревне. Но делать так, что многие продукты их деятельности полностью прилажены к крестьянскому двору и не претендуют на полноценное существование вне данного двора, данной деревни, данного сельского региона. Не случайно кустарные изделия деревенских мастеров более всего потребляются именно в той местности, где они произведены. А если они волей случая попадают в иную жизненную среду (другой регион или город), то служат там прежде всего в качестве

декоративных, неработающих, экстраординарных элементов нормального жизненного оснащения (лапти, глиняные горшки, кадушки, чугуны, прялки, вальки и т.п.). Таким образом, понять существо крестьянских умений можно, как нам представляется, если к их оценке не прикладывается какая-либо внешняя, посторонняя, «общецивилизационная» мерка.

Завершая краткий комментарий к БЛОКУ «ДВОР-УМЕНИЯ», следует сказать, что при формировании банка цитат из «первоисточников» случилось то же, что и в работе над блоком «ДВОР-ОСНАЩЕНИЕ». Мы постепенно расширили номенклатуру выдержек из текстов и стали включать в блок «ДВОР-УМЕНИЯ» материалы, связанные не только с профессиональными характеристиками крестьянского двора, но и с некоторыми его духовно-нравственными умениями: способность выстоять, поддерживая друг друга, в тяжелые дни, бесстрашие, азарт крестьянского двора как социально-экономической единицы, способность его организовать в качестве «команды», то есть его полная отмотобилизованность и готовность ко всему в лихие времена, Все это тоже вошло в форме соответствующих крестьянских высказываний в третий преданалитический блок.

БЛОК 4. «ДВОРЫ-ОТНОШЕНИЯ». В его состав отбирались сведения об истории взаимоподдержки и взаимонеприятия крестьянских семейных дворов. Отношения, в которых проявляется, с одной стороны, помощь, поддержка, сочувствие, взаимораскрытость, стремление к кооперированию, а с другой – налицо сознательная помеха соседнему двору, зависть, злоба, предательство. Довольно подробны рассказы о них звучали в воспоминаниях крестьян. Попутно отметим, что объем информации, получаемой от рассказчиков, постепенно нарастал от одного исследовательского деревенского цикла к другому. Так, в блок «ДВОРЫ-ОТНОШЕНИЯ» вошла информация не только об отношениях собственно дворов, семей, но и отдельных людей, а также семейных кланов, родов. Информация подобного рода носит синкретический характер и порой трудно выделить в сетке

отношений именно двор как некую целостность. Вместе с тем, имеет место историческая эволюция отношений крестьянских дворов, о существовании которой разговор, мы надеемся, еще впереди.

БЛОК 5. «ДВОР-ПРИВИЛЕГИИ». Вычленение первичного материала по данной тематической рубрике сводилось к фиксации фактов, свидетельствующих о некоем особом положении двора в составе конкретной социально-территориальной общности. Двор выглядел в данном преданалитическом повороте как нечто выделенное из ряда такое, к чему внимательно присматриваются остальные деревенские дворы, на который равняются и относятся не так, как ко всем остальным, имеющимся в поле наблюдения и взаимодействия. Сумма привилегий, которыми располагает крестьянский двор, делилась в процессе накопления первичного материала на два вида: привилегии «внешние», получаемые тем или иным двором извне, со стороны односельчан или властей, и привилегии «внутренние», носителями которых являются отдельные члены конкретного двора и которые формируются внутри данного двора. Это, так сказать, привилегии «домашнего» потребления, в отличие от первых, – привилегий общего деревенского (поселенческого) пользования. Следует отметить, что объем полученного материала по БЛОКУ 5 весьма незначителен. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что привилегии как некая социально–нравственная ценность, вообще мало свойственны российской деревне. И, вероятно, в этом неясном ощущении заключается какая-то правда, поскольку принявшись за чтение текстов, добытых в Белоруссии, мы увидели, что в этом регионе гораздо более охотно, развернуто и интересно говорят о том, что можно назвать внешними и внутренними привилегиями крестьянского двора или системы дворов. Из этого факта можно, как нам кажется, сделать не только содержательно-аналитический, но и организационно-методический вывод, состоящий в том, что на этапе преданализа очень важно наиболее обширный

материал для квалификации, на основе которого можно сделать более достоверные выводы.

БЛОК 6. «ДВОР-ЛИЧНОСТИ». Предназначался в основном для накапливания информации, фиксирующей моменты исторического изменения роли и влияния отдельных членов крестьянского двора. Последние брались здесь не только в их семейной функциональной роли (хозяин, муж, сноха, зять, приемыш-воспитанник и т.п.), но и в рамках возрастного и биологического статуса (женщины, старики, дети малые, подростки, мужчины). Дело в том, что крестьянский семейный двор, как нам показалось при первом чтении материалов экспедиции, не очень-то позволяет его членам заметно выделиться в плане личностном, индивидуальном. Не позволяет ни взлететь, ни упасть. Не позволяет сильно выбиться из наезженной данным крестьянским двором жизненной колеи и неожиданно уклониться от взятого двором направления, самостоятельно бросить вызов судьбе. Сам двор как целостность, конечно, в состоянии поменять образ привычной повседневности, но делает он это, как правило, по взаимному согласию близких родственников, членов данного двора. Иная схема действий, индивидуальная инициатива – событие экстраординарное. Поэтому такие факты очень запоминаются и в текстах крестьянских рассказов выделяются особо. Таких фактов очень немного. Обычно же дисциплина распорядка жизни двора (дисциплина общих трапез, молитв, отходов ко сну, пробуждения, отдыха и т.п.) окружает каждого его члена сетью незримых, но весьма жестких нивелирных правил, спонтанный выход за пределы которых вызывает вначале недоумение, потом более сильную реакцию двора как целостности. Но это – только исходная стандартная модель, отклонения от которой особенно интересны в аналитическом плане. Информация о *личностях* двора, – о людях, которые могут быть своеобразными символами двора (его «птенцами»), «выродками», «чужаками», «изгоями» в текстах семейных историй имеется. Объем

подобной информации не очень велик, но она есть и, нередко, довольно качественная.

Следующий, очень, на наш взгляд, важный раздел накопления информации, БЛОК 7. «ДВОР – НЕ-ДВОР – ВНЕШНИЙ МИР». В нем накапливались выдержки из крестьянских воспоминаний, свидетельствующие о различных исторических комбинациях, и взаимоотношениях собственно «ДВОРА» и ближайшей среды его деятельности, которая была условно обозначена нами как «НЕ-ДВОР». Здесь мы фиксировали первичную информацию об истории крестьянского двора не самого по себе, а на фоне истории «не-двора» (крестьянской общины, коммуны, ТОЗа, коллектива, земледельческой артели, колхоза, совхоза, МТС и тому подобных сельских институций). Здесь, главным образом, собиралась информация о нормах сосуществования различных единиц социальной организации российской деревни. Но в центре был крестьянский семейный двор. Особый интерес представляли для нас те, не очень многие, исторические моменты, когда подобные нормы сосуществования претерпевали стремительную, часто произвольную, трансформацию. Центральным событием в этом плане является коллективизация. Но не только. Реагирование на подобные события собственно «ДВОРА» и того, что являлось «НЕ-ДВОРОМ», будучи исследованным, позволит, можно надеяться, аналитически определить уровень, если так допустимо выразиться, доброкачественности этих реакций и их исторической перспективности. Проще говоря, можно будет ответить на внешне простой, но довольно запутанный и заболтанный вопрос: кто же в противостоянии «двора» и «не-двора» был по-настоящему, системно прав? Однако это – проблематика уже собственно анализа.

В БЛОКЕ 7 собирается также информация по поводу еще одной разновидности жизни двора – отношений "ДВОР-ВНЕШНИЙ МИР". Под этим подразумевалось взаимодействие двора и волостного, районного,

областного центров и более отдаленных мест. В этом блоке фиксировалась информация о путешествующих крестьянах, о промысловиках-отходниках, а также о моментах столкновения "двора" и "внешнего мира" с точки зрения экономических интересов, морально–нравственных, культурных, коммуникационных и иных правил и обычаев, принятых здесь и там.

Хотелось бы отметить (хотя это – вопрос собственно аналитической фазы работы), что первичная информация, фиксируемая в этом «отсеке» БЛОКА 7, поразительно напоминает по своему событийному составу и эмоциональным акцентам известные шукшинские повороты проблемы деревенского мужика и его близкой родни, вдруг оказавшихся в большом городе. Та же "ненормальность" крупногородской повседневности, ее "придурочность", та же опасная в глазах крестьянина вывернутость и т.п. систематически фигурируют в собранных исследователями рассказах сельских жителей о контактах с внешним жизненным миром. Значительный социологический и культурный интерес представляют, по моему мнению, имеющиеся в рассказах селян моменты, когда крестьянскому двору (или его отдельным представителям) удавалось в известном смысле победить «внешний мир», пластично приспособившись к нему или же (что бывает, судя по рассказам, гораздо реже) приспособив под себя хотя бы малый фрагмент этого большого и чужого мира.

И, наконец, еще два небольших блока-накопителя материалов – БЛОК 8. «ДВОР-ВОЙНА» и БЛОК 9. «ДВОР-МИР». В числе вышеперечисленных основных блоков они появились не сразу, а только, когда в текстах семейных историй и других материалах исследовательского проекта начали время от времени попадаться сведения, характеризующие внутреннюю атмосферу жизни крестьянского двора. Причины, обстоятельства, состав участников и длительность скандалов, распрей и ссор, о которых иногда рассказывают наши сельские информанты, правильно и сочувственно поняты, дают возможность нащупать «трещины» крестьянского двора. И, в конечном

счете, обнаружить такие «зоны» и «механизмы» двора, которые способны вызвать или его распадение, или укрепить и обновить семейный крестьянский двор.

То же самое относится к преданалитическому подразделению «ДВОР-МИР». Подчеркнуто безоблачная, приятная, порой благостная атмосфера семейной жизни, как об этом, бывает, вспоминают наши рассказчики, свидетельствует о различных процессах, разворачивающихся внутри семейного крестьянского двора, которые далеко не однозначны. Случается, что образцовый «двор-мир» при более внимательном рассмотрении отвратительней, чем расхристанный, веселый и непредсказуемый «двор-война». Встречается и другое, когда речь идет не о показной, а об истинной дружбе людей и поколений, объединенных в рамках одного семейного крестьянского двора.

На заключительных этапах работы в перечне преданалитических блоков появился десятый. Его мы условно обозначили «ДВОР-БУДУЩЕЕ». В рамках данного блока накапливались сведения о таких действиях самих информантов (или крестьян, о которых они рассказывают), где просматривается более или менее длинный план жизнедеятельности, осознанная или стихийная стратегия их разнообразных действий и поступков. Причем метка «БУДУЩЕЕ» в применении к крестьянской семье, двору не выражает представление о строгой хронологии. Речь не идет только о том, чего еще не произошло, или двор совершить лишь намеревается. В библиотеке цитат по данному преданалитическому блоку есть такие, в которых рассказывается о «минувшем будущем», когда рассказчик, вспоминая былое, воспроизводит модели и стратегии поведения своих родителей, своих дедов, не говоря уже о собственных опытах планирования жизнедеятельности. Заметим, что этот блок несколько выбивается из системы, образуемой предыдущими девятью. Если каждый из них в известной степени «заведует» определенной предметной сферой

крестьянского двора, соотнесен с различными сторонами его функционирования, то в блоке «ДВОР-БУДУЩЕЕ» как бы интегрируются различные дворовые свойства, выявляется результирующая его многообразных усилий и инициатив.

Итак, в результате преданализа текстов семейных крестьянских историй предстает перед нами уже не в сплошной, континуальной форме, а «размонтированное» на десять преданалитических блоков. Мы отдаем себе отчет в том, что данный вариант деления условен и приблизителен. Но, нам представляется, что такая система преданализа может служить в качестве одного из возможных путеводителей по обширному текстовому материалу, сберегая время исследователя, который пожелал бы включиться в «аналитические раскопки» собранной информации. Преданализ полезен тем, что помогает «счистить» с исходных текстов неизбежный налет бессистемности и внести в «синкретический хаос» крестьянских воспоминаний некий первоначальный порядок. Преданализ, конечно, груб, как серия первых, начерно формирующих глыбу мрамора, ударов молотка ваятеля. Но именно вслед за этим открывается простор для индивидуальной инициативы, для ювелирной аналитической проработки материала.